

Янь Сюнь заметил, что учитель так легко уступает, немного поколебался — и бросился ему на грудь. Уткнувшись носом в шею, он принялся ласково звать:

— Учитель, учитель, учитель...

Сяо Юэбай, опасаясь, что принц оступится, обхватил его за талию. Обе ноги у него были ранены и не переносили лишней нагрузки: сидя в одиночестве, он едва касался пола кончиками пальцев — этого хватало, чтобы удерживать равновесие. Теперь же, когда на бёдра навалился вес Янь Сюня, пришлось упереться всей ступнёй, до самой пятки.

Совсем скоро с виска Сяо Юэбая скатилась горячая капля пота, потекла по гладкой коже и исчезла за воротом рубахи. На нём была тёмно-синяя шёлковая рубаха; мягкая переливчатая ткань впитывала влагу, и там, где пот успевал просочиться, проступали тёмные водянистые разводы.

Детство Янь Сюня было безрадостным — даже родная мать, Хань-гуйфэй, никогда его не любила. Прежде чем забеременеть, она была всего лишь незначительной наложницей: Император Вэнь не отрывал взгляда от Императрицы Чжао и удостаивал Хань редкими встречами — раз в несколько месяцев, не чаще. Но ей повезло: после первой же близости она понесла. С той поры она каждый день молилась, чтобы дитя оказалось сыном — лишь тогда её положение поднялось бы вслед за ним. Когда повитуха объявила, что родился принц, Хань едва не лишилась чувств от счастья: в горячечном тумане послеродовых грёз ей уже виделось, как через несколько лет она займёт место Императрицы Чжао.

Но Император Вэнь словно не заметил ни её, ни новорождённого. Лишь на исходе первого месяца жизни Янь Сюня он соизволил заглянуть — дал имя и удалился, не обмолвившись о праздновании.

После этого Хань-гуйфэй попросту потеряла к сыну всякий интерес. Младенца сдали на руки служанкам, и те ухаживали за ним день и ночь, пока мать плела придворные интриги. Вспоминала она о Янь Сюне лишь тогда, когда что-то шло не так: ярость искала выхода, и она вспоминала о существе, промучившем её родами целые сутки и не принёсшем ничего, кроме разочарований. В такие минуты она влетала в детские покои, хватала Янь Сюня, срывала с него одежду, снимала с волос золотую шпильку и острым концом вонзала её в нежную детскую спину — раз за разом, не обращая внимания на крики, пока кожа не начинала кровоточить. Лишь тогда останавливалась.

Спустя несколько лет Хань получила титул гуйфэй и погрузилась в дела с ещё большей страстью. Янь Сюнь, дотянув до четырнадцати, порой уже не мог вспомнить её лица.

Вот почему во всём мире лишь один человек знал его настоящим — таким, каким он был на самом деле. Лишь с Сяо Юэбаем он позволял себе быть слабым.

Когда давеча учитель спросил о детстве, первой мыслью была не обида на тех, кто его унижал. Первой мыслью была Хань-гуйфэй. Сердце сжалось от внезапного страха, и он сам не заметил, как лицо приняло то непроницаемое выражение, за которым прятался ужас.

Но он тут же пожалел об этом. Испугался — вдруг учитель оттолкнёт его. Сяо Юэбай, блестяще сдавший все три высших экзамена, имел все шансы на великое будущее — но Хань-гуйфэй, ни с того ни с сего, упростила Императора Вэня назначить его учителем принца. Одним капризом она перечеркнула чужую судьбу. И всё же Сяо Юэбай никогда не говорил с ним грубо — напротив, учил всему, что знал сам, ничего не утаивая.

А теперь учитель так его балует. Янь Сюнь ещё теснее прижался к нему, нашёл ухом его сердце и прислушался к ровным, живым ударам.

— Учитель, учитель, учитель...

И вдруг рука, обнимавшая его за талию, чуть ослабла.

Янь Сюнь замер. Что если учитель хочет оттолкнуть его? Он вцепился в спину Сяо Юэбая обеими руками — крепко, будто хотел врасти в него, стать его частью.

Сяо Юэбай невольно втянул воздух сквозь зубы. Мягко похлопал Янь Сюня по спине и тихо попросил:

— Ваше Высочество, не могли бы вы встать?

Янь Сюнь вздрогнул — и всё же поднялся.

Встав, он сразу отвернулся и отошёл подальше. Ни взгляда, ни оглядки через плечо.

Это было похоже на поведение раненого зверёныша. Сяо Юэбай почувствовал, как что-то болезненно сжалось в груди, и начал звать:

— Ваше Высочество... Ваше Высочество...

Десять раз позвал — ни слова в ответ. Тогда Сяо Юэбай, не имея возможности встать, произнёс:

— Если Ваше Высочество и дальше будет меня игнорировать, я перестану быть вашим учителем.

Слова упали, как удар молота. Янь Сюнь застыл — и обернулся. Глаза были полны обиды.

— Учитель, только что вы обещали быть моим учителем всю жизнь. Как можно отказываться от своих слов?

Сяо Юэбай взглянул на собственные ноги и указал на них:

— Немного больно.

Он намеренно не сказал, отчего именно, — не хотел, чтобы Янь Сюнь корил себя. Но тот всё понял сам — и бросился обратно:

— Учитель, это я причинил вам боль.

Едва оказавшись рядом, он заметил на лице и шее Сяо Юэбая капли пота. Слова ещё не смолкли, а руки уже потянулись за платком — и он принялся осторожно промокать испарину, тронутый и виноватый одновременно.

Когда он закончил, Сяо Юэбай состроил лукавую мину и проговорил с нарочитой небрежностью:

— В таком случае одного кувшина «Облаков и тумана гор Лушань» будет, пожалуй, маловато.

Сяо Юэбай был красив той красотой, что не тускнеет ни в каком выражении лица. Даже сейчас, прищурившись и потянув уголок рта в притворно-хитрую гримасу, он смотрелся не вульгарно, а живо и остро — в глазах заиграл огонь, на миг прогнавший остатки бледности с лица.

Янь Сюнь смотрел на него и не мог сдержать улыбки:

— Не думал, что учителя так легко задобрить. В следующий раз, когда вы будете меня экзаменовать и я не смогу ответить — принесу вам целый стол отборного чая. И тогда никакого наказания, договорились?

— Ваше Высочество меня недооценивает. — Боль в ногах немного утихла; Сяо Юэбай поднял руку и слегка щёлкнул принца по лбу. — Не ответите — будете переписывать книги. А пока не перепишите — за стол ни ногой.

— Ладно. — Янь Сюнь шмыгнул носом. — Буду стараться изо всех сил. Не дам учителю ни единого повода для наказания.

Сяо Юэбай потрепал его по лбу — туда, куда только что щёлкнул — и улыбнулся:

— Вот и договорились.

Янь Сюнь больше не решался бросаться к нему, поэтому они просто сели друг напротив друга.

Сяо Юэбай убрал улыбку. Голос стал ровным и серьёзным:

— Ваше Высочество, давеча вы сказали, что подозреваете Третьего принца. Но почему не Четвёртого? — Он чуть помедлил. — Или Наследного принца?

Янь Сюнь свёл брови и понизил голос:

— Если это дело рук Четвёртого брата, то его визит в тюрьму Дали-сы был спектаклем — разыгранным для меня, для Императорского брата и для Чжоу Це. Если же виновен сам Императорский брат... он ведь отравлен, и при мне же харкал кровью. Что ж, искусная уловка с самоистязанием — надо признать...

Янь Сюнь не договорил — откуда-то издали послышались приближающиеся шаги. Лицо его переменялось.

— Учитель, — быстро выговорил он, — я никогда не причинял Императорскому брату вреда. Что теперь делать?

В следующий миг на пороге появился внутренний слуга:

— Ваше Высочество, Третий Его Высочество изволил пожаловать.

Янь Ци уже стоял у входа. При виде его страх на лице Янь Сюня чуть отступил — принц поспешно поднялся навстречу:

— Третий брат, что тебя привело?

Сяо Юэбай, не имея возможности встать, поклонился со своего места:

— Приветствую Третьего принца.

Янь Ци прошёл вслед за Янь Сюнем и занял место за столом. Едва он сел, как — словно по знаку — внесли тот самый кувшин «Облаков и тумана», припасённый в откуп за учительское терпение.

Янь Сюнь взмахом руки отослал служанок и лично наполнил чашу для брата. Чай был обжигающим — пар поднимался над поверхностью и лёгкими завитками клубился вокруг

безупречных черт Янь Ци.

Сяо Юэбай смотрел на позолоченный узор по краю чаши и думал.

«А-Сюнь обвиняют в тяжком преступлении — в покушении на наследника. Любой благоразумный человек сейчас держался бы подальше. Даже Хань-гуйфэй ни разу не показалась на глаза. Так отчего же Янь Хуань и Янь Ци явились сюда один за другим? Братская любовь? — В императорском семействе подобным чувствам нет места. Тогда что?»

<http://bllate.org/book/17467/1695257>